

НАУЧНОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Э.Л. РАДЛОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА*

Анна Зиновьева

Виктор Куприянов

Проводится попытка актуализации научного и философского наследия историка философии, переводчика и филолога Э.Л. Радлова. Реконструируются его биография, период обучения в Санкт-Петербургском университете. Указывается принадлежность Радлова к философской школе М.И. Владиславлева. Авторы показывают, что значительное влияние на становление Радлова как философа оказали командировки за границу. И хотя за годы преподавательской деятельности Радлова вокруг него не сложилось философской школы, тем не менее, из плеяды его учениц сформировался «радловский кружок», который внес вклад в развитие интеллектуальной культуры России. В статье демонстрируется научный вклад Радлова в изучение истории античной, европейской и русской философии. Помимо творчества Радлова, в статье рассматриваются культурный контекст эпохи, а также внешние административно-институциональные рамки, в которых развивались наука и философия в Петербурге в конце XIX – начале XX в. В статье указывается, что наследие Радлова до сих пор остается не до конца изученным историками философии, как и его биография, где по-прежнему имеются лакуны и неточности.

Ключевые слова: Э.Л. Радлов, Петербургский университет, Философское общество, петербургская философская школа.

© Зиновьева А.П., 2023

© Куприянов В.А., 2023

Российский государственный исторический архив

С.-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

The article provides an attempt actualize the scientific and philosophical heritage of the historian of philosophy, translator and philologist Ernest L. Radlov. His biography, the period of study at St. Petersburg University are reconstructed. The authors point out that Radlov belonged to the philosophical school of Mikhail I. Vladislavlev. It is shown that a significant influence on the formation of Radlov as a philosopher had business trips abroad. Although Radlov did not form any philosophical school, which he led during his years of teaching philosophy, a “Radlov’s circle” emerged from his students; this group of philosophers contributed to the development of intellectual culture in Russia. The article demonstrates Radlov’s scientific contribution to the study of the history of ancient, European and Russian philosophy. In addition to Radlov’s work, the article examines the cultural context of the era, as well as the external administrative and institutional framework within which science and philosophy developed in St. Petersburg in the late 19th and early 20th centuries. The article points out that Radlov’s legacy still remains incompletely studied by historians of philosophy, as does his biography, which still contains lacunas and inaccuracies.

Keywords: E.L. Radlov, Petersburg University, Philosophical Society, Saint-Petersburg philosophical school.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2023.2.208>

* Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 21-18-00153 «Идея империи и идея революции: два полюса русского общественно-политического мировоззрения в философии и культуре XIX–XXI веков (Санкт-Петербургский государственный университет).

Эрнест Леопольдович Радлов (1854–1928) – выдающийся философ, литературовед и историк философии конца XIX – начала XX в. – внес существенный вклад в становление профессиональной философии в России и в развитие российских историко-философских исследований. Научная, литературная и философская деятельность Э.Л. Радлова началась в 1880-е гг., когда были опубликованы первые его работы (рецензии, самостоятельные философские исследования и переводы) и продолжалась вплоть до его смерти, охватив в целом период длительностью сорок три года. Э.Л. Радлов внес вклад в изучение отечественной и зарубежной истории философии, теоретическую философию, в этику, в литературоведение и в эстетику, а также в историю естественных наук. Для философской культуры России конца XIX – начала XX в. Радлов оказался важной фигурой, будучи вовлеченным во все значимые философские проекты того времени. Сеть его контактов показывает, что он был знаком практически со всеми ведущими российскими философами своего времени, а с некоторыми из них его связывали десятилетия дружбы. Тем не менее творческая деятельность Радлова до сих пор остается мало исследованной, что обуславливает наличие множества лакун как в его биографии, так и в понимании социальных контекстов русской философии и культуры его времени. На сегодня можно констатировать, что биография и творческое наследие Радлова известны историкам русской философии лишь фрагментарно. Относительно исследованными можно признать общую биографию Радлова и его деятельность на посту директора Публичной библиотеки [3], его отношения с А.И. Введенским [10; 11, с. 404–559; 12, с. 191–325] и судьбу его библиотеки [8]. Также опубликованы документы, проливающие свет на его деятельность в «Вольной философской ассоциации» («Вольфиле») [2]. Однако общей картины творческого наследия Радлова, а также его подробной биографии до сих пор нет. В данной статье предпринимается реконструкция биографии Э.Л. Радлова, учитывающая ранее неизвестные факты.

Детство, студенческие годы Э.Л. Радлова и начало его философского творчества (1870–1890 гг.)

Эрнест Леопольдович (Львович) Радлов родился в 20 ноября (2 декабря) 1854 г. Санкт-Петербурге в семье хранителя этнографического музея Санкт-Петербургской Академии наук, позже директора Ларинской гимназии (с 1864 г.) и затем 6-й Петербургской гимназии (с 1865 г.) Льва Федоровича (Леопольда Фридриховича) Радлова (1818–1865). Э.Л. Радлов происходил из саксонского рода, первым представителем которого был в XVII в. портной из г. Ашерслебен. Фамилия рода образована от чешского названия сохи (radlo). Также известно, что предки Э.Л. Радлова – Иоганн Ралофф (1646–1707) был школьным учителем, пастором в местечке Гундорф, недалеко от Лейпцига. Первым из предков Радлова, кто приехал в Россию и обосновался здесь был дед Э.Л. Радлова – Карл Фридрих Радлов (1783–1842). Он происходил из семьи духовного звания в г. Лаухштедт, изучал богословские науки и филологию в Лейпцигском университете, затем начал педагогическую деятельность. В службу вступил в качестве учителя в Лейпцигскую вольную школу в 1803 г. В 1806–

1807 г. приехал в С.-Петербург и поступил учителем в семью М.И. Ламздорфа, воспитателя великого князя Николая Павловича. В 1811 г. был приглашен на должность профессора словесности и латинского языка Конрадинской гимназии в Данциге (Гданьск), но в том же году вернулся в Россию, так как Данциг был оккупирован французскими войсками. Вернувшись в столицу, стал преподавать в учебном заведении пастора Ф. Муральта, с 1819 г. преподавал немецкий язык в Главном немецком училище Св. Петра. Карл Фридрих также преподавал латинскую словесность в Санкт-Петербургской губернской гимназии (2-я гимназия). Защитил диссертацию, которая называлась «*De studio linguarum antiquarum saepe neglecto eoque melius distituyendo*». Вместо профессора Гедике, К.Ф. Радлова утвердили адъюнктом латинской словесности по кафедре римской словесности в Санкт-Петербургском Императорском университете, который он позже был вынужден покинуть из-за «дела профессоров» (1820–1822 гг.). В ходе разбирательств К.Ф. Радлов вместе с ректором М.А. Балугьянским, филологом-классиком Ф.Б. Грефе, словесником Н.И. Бутырским, математиком Д.С. Чижовым настаивал на честности и невинности профессоров [6]. Несмотря на протест многих профессоров, высшее административное вмешательство принудило уволить профессоров Германа, Раупаха и Арсеньева. Вслед за ними, не желая мириться с деспотическими методами, университет покинули Балугьянский, Плисов, Радлов [20, с. 32, 39]. В результате этого конфликта К.Ф. Радлов удалился в имение жены под Дерптом, но и там не оставил преподавания, организовав при Дерптском университете подготовительные курсы для поступления и пансион в г. Феллине [21; 2–3].

Отец Эрнста Леопольдовича – Лев Федорович (Леопольд Фридрихович) Радлов (1818–1865) родился 29 октября 1818 г., получил домашнее воспитание под руководством отца, затем поступил в Главный Педагогический институт, который окончил в 1839 г. В том же году получил назначение учителем греческого языка в Новгородскую гимназию, затем был перемещен учителем латинского языка во 2-ю Петербургскую гимназию. В 1846 г. он получил должность хранителя этнографического музея Академии наук с чином коллежского советника. Леопольд Федорович в течение нескольких десятилетий усердно занимался каталогизацией и распределением музейных предметов, подробно изучая описание кругосветных путешествий русских и иностранных мореплавателей. Одновременно с этим в 1850-е гг. он выпустил в Академии наук несколько брошюр, посвященных народам Северной Америки, обитавших на русских территориях, исследовал язык чукчей и коряков, побывал в Копенгагене, Стокгольме и Мекленбурге, изучая устройство европейских музеев [20, л. 2, 3]. Знание иностранных языков – английского, датского и шведского – давало возможность ознакомиться с подлинниками источников о северных древностях. Как отмечают его коллеги (в частности И.П. Лерх), Л.Ф. Радлов внес значительный вклад в переводную научную литературу; он переводил статьи Ворсо, Стенструпа и Бруцелиуса. В течение нескольких лет Л.Ф. Радлов исследовал язык колош, однако, эти труды остались неизданными. С 1862 г. Л.Ф. Радлов состоял членом-

корреспондентом Императорского Археологического Общества и членом-сотрудником Императорского Русского Географического Общества.

Детство и юность Эрнеста Львовича Радлова прошли в среде петербургской интеллигенции. Отец и оба деда занимались наукой, интерес к которой передался и Эрнесту. Определенное влияние на будущего философа оказал его дядя Эдмунд Федорович Радлов. По образованию он был химиком, так же, как и другие представители семьи Радловых, окончил Петербургский университет, но по разряду естественных наук и какое-то время был лаборантом у профессора А.А. Воскресенского, сотрудничал с Д.С. Менделеевым. В 1852–1854 гг. он работал лаборантом в Павловском институте, преподавал химию в Морском корпусе. В 1857 и 1860 гг. был командирован за границу «для посещения европейских лабораторий и приобретения некоторых аппаратов для университета» [22, л. 3.]. Затем преподавал во втором кадетском корпусе (1861–1863), с сентября 1865 г. – репетитор Института инженеров путей сообщения. Несколько раз избирался библиотекарем этого института, в течение нескольких лет преподавал физику в строительном училище при Техничко-строительном комитете Министерства внутренних дел.

Кроме Эрнеста, в семье Леопольда Федоровича Радлова в браке с Матильдой Федоровной Стефан родилось еще три сына: Отто (1849), Герман (1852) и Фридрих (1858). Так как родители были лютеране, маленького Эрнста Густава Вильгельма Радлофа крестили в церкви Святой Екатерины, в подростковом возрасте он прошел таинство конфирмации в церкви Святого Николая в Ревеле 22 августа 1871 г. Эрнест Радлов учился в 6-й Санкт-Петербургской гимназии. Сохранившийся аттестат дает возможность узнать, как он учился в школе. В целом Радлов учился хорошо, лучше всего ему давались Закон Божий и немецкий язык, затем греческий, латинский и французский; естественнонаучные предметы (математика, физика география), как видится, не слишком его интересовали, по русскому языку и словесности юный Эрнест не блистал успехами (Закон Божий – 5, немецкий – 5, русский язык и словесность – 3–4, логики нет, латинский и греческий – 4, математика 4–5, физика и география – 4, история – 3–4, немецкий – 5, французский – 4).

Э.Л. Радлов был выпускником Санкт-Петербургского университета. В университет на историко-филологический факультет он поступил в 1873 г. Выбор учебного отделения был обусловлен личным желанием Радлова и поддержан его семьей. Студенческие годы Радлова были проведены в постоянной учебе, изучении научной литературы и языков. Он вспоминал, что мало общался со сверстниками, много читал книги и ходил в университетскую библиотеку. Во время обучения Радлов определился с будущей темой научных сочинений, которая была обусловлена достаточно рано проявившейся склонностью к древним языкам и античной философии. Его внимание было сконцентрировано на изучении философии Платона. За выпускное сочинение о сравнительных диалогах Платона Радлов был удостоен золотой медали в 1877 г. [23, л. 1.]. В студенческие годы Э.Л. Радлов был учеником М.И. Владиславлева (1840–1890) – видного российского философа и психолога, с 1887 по 1890 гг. ректора университета, которому за время своей профессорско-преподава-

тельской деятельности удалось создать философскую школу с своими традициями и принципами преподавания. Будучи последовательным приверженцем академического классического образования, М.И. Владиславлев уделял особое внимание подборке материалов для лекционного курса по основным философским дисциплинам. Основу программы обучения М.И. Владиславлев строил на изучении текстов Платона, Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Д. Юма, И. Канта, И.Г. Фихте, Й. Шеллинга, Г.В. Гегеля, Дж. Милля, К. Фишера и Р.Г. Лотце. Особое внимание уделялось античной философии и древним языкам, без которых, как считал профессор, невозможно представить понимание текстов мыслителей прошлого. Поэтому почти все ученики М.И. Владиславлева знали древнегреческий язык и латынь на высоком уровне. Многие из его учеников в процессе будущей преподавательской деятельности следовали традиции учителя, издавали свой научно-исследовательский материал в качестве учебных пособий, создавая в том числе учебно-методическую базу для обучения в университете. Лекции М.И. Владиславлева по истории философии, психологии, логике, семинары по «Метафизике» Аристотеля и «Критике чистого разума» И. Канта заложили особый интерес к классической философии у учащейся молодежи, среди которой были А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, Н.Я. Грот и Н.Н. Ланге. По воспоминаниям современников, стиль преподавания М.И. Владиславлева был строгим и сдержанным. Он излагал свой материал четко и ясно, подробно комментируя первоисточники от античной литературы до недавно вышедших трудов, пытался донести философские мысли до своих слушателей, научить критическому анализу, пробудить у учеников стремление к поиску знания и истины, не навязывая своего мнения. Как отмечал один из его учеников, А.И. Введенский: «...его лекции не отличались изяществом речи – не отделанной и небрежной; но они обладали кидаемой в глаза ясностью изложения. А главное, он умел вызывать в своих слушателях философский скепсис и возбуждать в них чрез это работу мысли» [4, с. 23]. Можно говорить о том, что М.И. Владиславлев формировал исследовательскую культуру своих подопечных студентов, стараясь найти необходимые условия для самостоятельного изучения, призывая обращать внимание на источники, поскольку, как он утверждал, даже наилучшее изложение не может исчерпать всей глубины и богатства оригинала [18, с. 203].

Жизнь и деятельность М.И. Владиславлева послужила примером для многих студентов серьезно относиться к его словам и развивать философскую науку. Многие из его студентов восприняли традиции и методики преподавания и использовали в своей работе. Тем самым, заложенные М.И. Владиславлевым педагогические традиции прижились на долгое время на кафедре философии в Санкт-Петербургском университете. М.И. Владиславлева по праву следует считать родоначальником Санкт-Петербургской философской, философско-психологической и философско-логической школ. Далее уже его ученики формировали интеллектуальную атмосферу в России, создавая и развивая новые направления научных дисциплин.

В целом студенческая жизнь Радлова сложилась удачно, и его учеба пришлась на то время, когда профессиональная философия, после восстановления кафедр философии, вновь заявляла о себе. В 1877 г. Радлов окончил учебу. Его выпускное сочинение, посвященное сравнению диалогов Платона, было удостоено золотой медали. Затем он был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию, сдал магистерские экзамены и был принят на службу в Министерство народного просвещения с откомандированием для занятий в Публичную библиотеку.

В 1880-е гг. после окончания университета начинается научная деятельность Э.Л. Радлова. В 1884 г. в «Журнале министерства народного просвещения» был опубликован перевод Радлова первой книги Никомаховой этики Аристотеля. Спустя год в том же журнале вышла его первая рецензия, посвященная разбору сочинения Н.Я. Грота «К вопросу о реформе логики». В этот период Эрнест Леопольдович несколько раз совершает научные командировки за границу, где проходит стажировки в ведущих университетах Европы. Впоследствии, это, во многом, определило вектор научных работ Радлова, а также повлияло на его мировоззрение. За границей больше всего Эрнеста Леопольдовича увлекали занятия античной философией. Поэтому ранние работы Радлова за 1883–1887 гг. затрагивают античные сюжеты, в основном, работы Аристотеля и Эмпедокла. Важной для Радлова в этот период является переводческая деятельность. В 1884–1887 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» выходит перевод «Никомаховой этики», который частично был опубликован в 1884 г. Как отмечал С.Н. Трубецкой, перевод Радлова был образцовым и обстоятельным. Второе издание «Этики» Аристотеля пришлось на 1908 г. и вышло с приложением статьи Радлова «Очерк истории греческой этики». Этот перевод Радлова оставался единственным почти сто лет, до 1984 г., когда «Никомахова этика» была переведена второй раз для серии «Философская мысль». Кроме перевода «Никомаховой этики» Радлов перевел в этот же период аристотелевский трактат «Об истолковании» (единственный на сегодня перевод этого трактата на русский язык, опубликован в ЖМНП в 1888–1891 гг.) и фрагменты Эмпедокла (опубликованы в ЖМНП в 1889 г.), которые высоко оценивал А.О. Маковельский [13, с. V], а также провел исследование этических фрагментов Демокрита [33]. В целом, работы Радлова по истории греческой философии заслужили высокую оценку современников. С.А. Жебелев так характеризовал переводческую деятельность Радлова: «Свое основательное и вдумчивое знание древних философов Э.Л. Радлов доказал, прежде всего, своими образцовыми переводами, с подлинника, таких трудных для перевода произведений, как отрывки Эмпедокла и Демокрита, трактатов Аристотеля “Об истолковании” и “Никомахова этика”. Эти переводы, безукоризненно выполненные и с точки зрения близости к подлиннику и, вместе с тем, в смысле их удобочитаемости, сопровождаются пояснительными рассуждениями, касающимися характеристики философии Эмпедокла (причем Э.Л. Радлов привлекает здесь не только самые отрывки Эмпедокла, но и т.наз. доксографию, т.е. те источники, которые знакомят нас с философией) и этики Демокрита» [24, л. 2].

В этот же период Э.Л. Радлов публикуется в первые и за границей. В 1890 г. в одном из самых авторитетных немецких журналов по философии «Архив истории философии» выходит его статья «Сообщение о работе в области философии в России», содержание которое позже во многом стало основой известного «Очерка истории русской философии», опубликованного при жизни Радлова трижды – два раза на русском языке (в 1912 г. и в 1921 г.) и на немецком языке (в 1925 г.).

В ранний период творчества Э.Л. Радлов начинает публиковать не только переводы, но и историко-философские исследования. В это время из-под его пера вышли исследования по истории античного скептицизма [31; 32], по истории русской философии [38; 39], а также важнейшая работа, посвященная отношению Вольтера к Руссо [37], о которой будет сказано в данной статье отдельно. Не оставил без внимания в этот период Радлов и исследования по теоретической философии, а также редакторскую деятельность. В этот период он редактировал перевод самой разной исторической литературы: книгу Д. Штрауса об Ульрихе фон Гуттене и книгу А. Гаусрата «Средневековые реформаторы». Говоря о его работах по теоретической философии, нужно обратить внимание на его критику И.М. Сеченова [40], которая отразила основное направление его философских взглядов, которое можно определить как идеализм.

После ряда командировок за границу и написания нескольких научных работ и переводов, Радлов надолго погрузился в педагогическую деятельность, совмещая это с работой в библиотеке. Он вел несколько дисциплин: в 1878–1884 гг. он читал логику на Высших женских курсах, куда его рекомендовал М.И. Владиславлев, писавший первому директору женских курсов К.Н. Бестужеву-Рюмину: «Радлов – человек дельный: для курсов он будет полезен» [10, с. 211].

В 1883–1897 гг. он вел курс психологии и истории философии в Училище правоведения, в 1885–1907 гг. преподавал в Александровском лицее и с 1903 г. в Женском педагогическом институте. С начала 1880-х гг. выходит ряд его учебных пособий и научных брошюр: «Логика» (1880), «Введение в философию» (1884), «История философии» (1887), «История новой философии» (1897).

В целом в 1880–1890-е гг. определяются основные направления творчества Э.Л. Радлова: активная преподавательская деятельность, исследования в области истории античной философии и философии Нового времени, истории этики и логики, переводческая деятельность и теоретические исследования, относящиеся к идеалистическому направлению в теории познания. В той или иной мере указанные черты были характерны для творчества Радлова до самого конца его жизни. Иными словами, уже в этот период оформились философские взгляды Э.Л. Радлова, который в философском отношении был близок к А.И. Введенскому – с ним Радлова связывали также и узы многолетней дружбы. Введенский воспринимал философию в качестве теории познания, считая, что с постановки теоретико-познавательных вопросов начинается философия [11, с. 226–227]. Как А.И. Введенский отмечал в своих записках, содержание философии наиболее лучшим образом открывается через ее историю; история философии должна отразить, какие побуждения располо-

жили человеческий дух к философскому исследованию. А.И. Введенский также предложил историко-философскую периодизацию, которая делилась на древнюю (античную и средневековую), новую и новейшую (посткантовскую). Вместе с А.И. Введенским Радлова можно отнести к кантианскому направлению в русской философии.

Расцвет философского и научного творчества (1900–1917)

В начале XX в. творческая активность Радлова достигла своего расцвета, охватив преподавание, редактирование переводов и научных сборников, работу в Философском обществе, и исследовательскую деятельность. С 1903 г. Радлов начал преподавать в Женском педагогическом институте (ныне РГПУ им. А.И. Герцена – далее ЖПИ). Также философские дисциплины в ЖПИ читали И.И. Лапшин (курс по «Истории философии»), А.И. Введенский (занимавший кафедру философии в университете, был у студентов одним из самых популярных лекторов) и Н.О. Лосский (курс по логике). Эрнест Леопольдович читал курс «Введение в философию». Он полагал, что «педагогическое дело требует весьма бережного отношения к нему». Многие слушательницы относились к нему с почтением и вниманием [5]. С некоторыми из них Радлова связывало дружеское общение. В Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН в фонде Радлова сохранилась его переписка с К.М. Милорадович, которая училась у него на Бестужевских курсах [26]. В состав кружка входили несколько слушательниц, нередко заглядывали и студенты, дети Радлова. Встречи проводились в домашней обстановке, в большинстве случаев дома у Радловых. Отзывчивость и готовность помочь в затруднительных ситуациях были присущи Эрнсту Леопольдовичу с юности. Благодаря его связям и знакомствам, ученики могли получить работу. Так произошло и с К.М. Милорадович, которая благодаря протекции Радлова, была принята в «Журнал Министерства народного просвещения» младшим корректором. В 1911 г. Радлов предложил кругу своих учениц-коллег подготовить перевод «Феноменологии духа» Г. Гегеля, который вышел в свет в 1913 г. В течение долгих лет этот перевод оставался единственным доступным на русском языке, однако, в большинстве библиографических источников указано только имя редактора перевода. Кружок просуществовал до 1916 г., причем, члены маленького кружка часто посещали заседания философского общества в университете.

Несмотря на разностороннюю активность Радлов никогда не отдалялся от Санкт-Петербургского университета. С 1920 по 1923 гг. он преподавал в Петроградском университете на факультете общественных наук (ФОН). Через университет Радлов обрел многих близких по духу людей. На долгие годы его коллегами и друзьями стали А.И. Введенский, Н.О. Лосский и И.И. Лапшин, а также Н.Н. Страхов, С.Ф. Платонов и многие другие. Однако, по воспоминаниям его сына, Сергея Эрнестовича Радлова, наибольшая дружеская привязанность сложилась у Эрнеста Леопольдовича с В.С. Соловьевым, который даже стал крестным отцом Сергея Радлова [15, с. 134]. Круг общения Э.Л. Радлова был частью большого интеллектуального сообщества Петербурга.

Одним из главных факторов столичного интеллектуального и философского ландшафта начала XX в. была деятельность Философского общества при Санкт-Петербургском университете, которое существовало с 1897 до 1922 г. [16]. Идея создания философского общества принадлежала нескольким фигурам, в том числе, В.С. Соловьеву [16, с. 186–188]. По свидетельству Э.Л. Радлова, переехав из Москвы в Петербург и будучи зачисленным в штат Ученого комитета Министерства народного просвещения, В.С. Соловьев стал одним из центральных философов в столице [35, с. 190]. Об обстоятельствах и проблемах, связанных с организацией общества существует немало научных публикаций. Затронем лишь ту часть, которая связана с участием Э.Л. Радлова. Эрнест Леопольдович долгое время был помощником председателя Общества, периодически замещая председателя (А.И. Введенского). С Радловым А.И. Введенский советовался, кого из докладчиков стоит приглашать на заседания, как организовывать встречи с представителями Духовной академии и др. На первых годовых собраниях с лекциями выступали, в основном, идейные вдохновители Общества. А.И. Введенский сделал доклад «Судьбы философии в России», В.С. Соловьев – «Жизненная драма Платона» и «О значении Белинского» и др. Впервые на заседаниях Общества обнародовали свои концепции А.С. Аскольдов и Н.О. Лосский. Как правило, собрания проводились по вечерам, после учебных занятий, один раз в месяц. На них рассматривались планы по развитию общества, делались доклады и научные сообщения. Формально заседания были закрытыми, но с согласия членов Общества, можно было пригласить гостей. Постоянное количество членов общества увеличивалось ежегодно [46, с. 109]. Э.Л. Радлов являлся постоянным докладчиком на закрытых ординарных заседаниях и публичных открытых собраниях и активным членом Общества. Всего Радлов сделал на заседаниях Общества пять докладов: «Очерк историографии истории философии» (1899), «Речь в память об Аполлоне Александровиче Смирнове» (1903), «Никомахова этика. Отношение Аристотеля к предшественникам, в частности к Платону» (1908), «Учение В.С. Соловьева о свободе воли» (1910), «По поводу логики проф. А.А. Введенского» (1913) [16, 180–185]. Все эти доклады были опубликованы в виде статей в различных философских изданиях того времени, в основном в «Вопросах философии и психологии» и в «Журнале министерства народного просвещения». Помимо организационной деятельности в Философском обществе Радлов редактировал переводы философской классики, публикацию которой взяло на себя Общество. Непосредственно при участии и под руководством Радлова были подготовлены первые переводы «Разысканий истины» Н. Мальбранша (1903), «Феноменологии духа» Г.В. Гегеля (1913), «Фактов сознания» И.Г. Фихте (1914) и трактата «Об уме» К.А. Гельвеция (1917). Для переводов привлекались ученицы Э.Л. Радлова. Переводы Н. Мальбранша и К.А. Гельвеция до сих пор остаются единственными на русском языке и переиздаются вплоть до сего дня.

Э.Л. Радлов имел возможность работать в Публичной библиотеке, что предоставляло ему ценнейшие источники для философских и научных исследований. Нередко Публичная библиотека позволяла ему найти

нужные книжные издания и ознакомить своих студентов с многочисленной зарубежной и отечественной научной литературной. Радлов любил проводить занятия за пределами университетских аудиторий, перемещаясь в кабинеты библиотеки. Об этом вспоминала одна из его учениц, студентка Петроградского университета, будущий историк и этнограф Н.И. Гаген-Торн [28, с. 55]. Говоря о службе в библиотеке, следует отметить, что и здесь Радлову часто приходилось бывать в заграничных командировках. В 1889 г. он отправился в научную командировку для ознакомления с устройствами европейских библиотек и особенностей их комплектования. Помимо этого, многие годы Эрнест Леопольдович возглавлял Комиссию по международному обмену книгами. Радлов каталогизировал Отделение философии и педагогики и опубликовал перечень философских изданий в фондах библиотеки. Велика роль Радлова в изучении библиотеки Вольтера, чем он начал заниматься еще в 1890-е гг. Фактически изучение библиотеки французского просветителя началось с публикации некоторых наиболее интересных помет Вольтера на его книгах. С 1890 г. Радлов начал постепенно публиковать пометы Вольтера на книге Ж.-Ж. Руссо «Рассуждения о причинах происхождения неравенства среди людей» (1754). Радлов признавал, что «своими замечаниями на книгу Руссо Вольтер впоследствии воспользовался. В 1764 г. он издал анонимно “Философский словарь”... в статье о человеке мы находим почти дословно некоторые из замечаний... которыми Вольтер сопровождает свое размышление. Вольтер, следовательно, воспользовался ими, перечитывая вновь для своей статьи книгу Руссо» [7]. Радлова с полным правом можно считать родоначальником отечественного вольтероведения. В это же время Радлов публикует статью «Отношения Вольтера к Руссо» [37, с. 37]. Согласно его мнению, Вольтер и Руссо являются кардинальными противоположностями, однако, они были «однородными мыслителями, детьми одного века, пропитанными тождественными идеями». В своей статье Радлов делает общие замечания по поводу развития французского Просвещения и излагает историю отношений Вольтера и Руссо. Исследования по истории французского просвещения Радлов продолжил и позже, опубликовав в 1917 г. под своей редакцией трактат «Об уме» К.А. Гельвеция.

Продолжал Радлов в этот период и свои исследования в области истории русской философии, начатые статьями о Н.Н. Страхове и М.И. Каринском. В этот период главным направлением творчества Радлова становится исследование жизни и философского учения В.С. Соловьева. Именно после смерти великого русского философа появляются важные работы Радлова, который стал, таким образом, одним из первых соловьеведов. Радлов участвовал в обоих дореволюционных изданиях сочинений В.С. Соловьева (собрание сочинений в 9 т., 1901–1907 гг. [47] и собрание сочинений в 10 т., 1911–1914 гг. [48]), в которых был опубликован и биографический очерк В.С. Соловьева [41]. Кроме издания сочинений В.С. Соловьева Радлов издал также собрание его писем в 4-х томах, которые выходили с 1908 по 1923 г. [42]. Кроме биографии Радлов рассматривал в работах этого времени философские взгляды В.С. Соловьева, опубликовав работы об эстетике [43] и гносеологии русского мыслителя

[44], о его политических и исторических взглядах [45], о его концепции свободы воли. Итог своим исследованиям Радлов подвел в книге, вышедшей в 1913 г., которая стала одной из первых монографий о В.С. Соловьеве [46]. В том же году вышел фундаментальный двухтомник Е.Н. Трубецкого «Мировоззрение Вл.С. Соловьева».

Большое значение для научной биографии Радлова имеет его участие в важнейших философских проектах, которые стали знаковыми для философской культуры того времени, определив ее облик. В период с 1912 по 1914 гг. под редакцией Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского выходили сборники «Новые идеи в философии» (всего было опубликовано семнадцать сборников), в которых была представлена панорама европейской философии рубежа XIX–XX вв. Эти сборники, включавшие в себя переводы работы ведущих европейских и русских философов того времени, оказали огромное влияние на отечественную философию. Также немаловажным было и участие Радлова в издании сборников «Родоначальники позитивизма» в 1910–1913 гг.

Философская и научно-организационная деятельность в послереволюционные годы (1917–1928)

После революции Э.Л. Радлов становится первым выборным директором библиотеки, пытаясь приспособить ее работу к новым реалиям. Сначала это получалось с большим трудом, поскольку в стране происходили кардинальные перемены. В целом, в первые послереволюционные годы Радлову удалось реформировать библиотеку без слома фундаментальных основ, сохраняя и сотрудников, и книжные собрания. Эрнест Леопольдович полагал, что библиотека должна быть «лабораторным центром науки, музеем русской литературы». Несколько раз в начале 1900-х гг. он избирался председателем Комитета Литературного фонда. В 1920 г. Радлов с семьей переехал с 1-й линии В.О. на предоставленную ему библиотекой квартиру, находившуюся по адресу: Садовая улица, дом 18, квартира 14. Этот дом был соединен с внутренними помещениями библиотеки, ряд квартир был отдан Обществу марксистов, Главному управлению учебных заведений. Там же располагалось Правление библиотеки и квартиры отдельных сотрудников.

Социально-политическая обстановка после событий 1917 г. изменила и привычное интеллектуальное пространство. С одной стороны, по-прежнему, научная мысль развивалась в фарватере европейских практик. С другой стороны, новая реальность внесла коррективы и сформировала определенные правила, привнося «нужные» задачи развития науки. Как следствие изменились и научные сообщества, формальные и неформальные объединения. Одним из таких общественных философских сообществ была Вольная философская ассоциация [2]. В создании подобного сообщества не было политической подоплеки. Напротив, оно было вызвано стремлением к свободомыслию, желанием мыслящей интеллигенции объединиться и активно работать в условиях новой действительности. Учредители отмечали, что время заставляет их ставить перед собой задачи синтетического характера, отвечающие всеобщему устремлению услышать от всякого ученого, художника слово «последней правды»,

поиск единого смысла, выводы из философии В.С. Соловьева «о Всеединстве Человечества» и т.д. [2, с. 248]. Помимо Э.Л. Радлова, Н.О. Лосский и Л.П. Карсавин тоже включились в работу Вольфилы. Деятельность Вольфилы была сосредоточена в нескольких отделах (Отдел философии, культуры и искусств, эстетики, истории литературы, музыки, театра, кино, живописи, основы звукозаписи и т.д.). Работа подразделялась на научно-теоретическую и просветительскую (проведение лекций, собеседований, диспутов, организация публичных чтений, докладов, их обсуждение). Радлов был действительным членом, но вел не кружок, а семинар, посвященный В.С. Соловьеву, который полностью соответствовал духу Вольфилы. Радлов активно участвовал в заседаниях Вольфилы, посвященных А.И. Герцену, П.Л. Лаврову. Соловьевский семинар оказался настолько дискуссионным, что уже на начальном этапе планирования между организаторами возникли трения по вопросу, в каком качестве и с какой точки зрения следует рассматривать В.С. Соловьева: кто-то отстаивал демократические положения В.С. Соловьева (А. Гизетти), другие предпочитали акцентировать внимание на религиозно-мистической основе идей В.С. Соловьева (А. Мейер). Ключевая роль принадлежала, во многом Радлову, как близкому другу русского мыслителя: «Уже немолодой Эрнест Львович Радлов поделился со слушателями личными воспоминаниями о Соловьеве, но нарисовал его образ так, что он совершенно не совпадал с тем иконописным образом, каким изображали Соловьева его последователи времен символизма. Он считал своим долгом подчеркнуть, что Владимир Соловьев, несмотря на «Три свидания», все-таки был настоящим русским человеком, сравнивая его с героями Достоевского. Большинство слушателей просто не поверили Радлову, считая, что он из-за зависти клеветает на Соловьева, но были и те, кто соглашались с оценкой Радлова» [2, с. 79]. Можно сказать, что на этом заседании Эрнест Леопольдович вернулся на несколько десятилетий назад и погрузился вновь в атмосферу 1880-х гг., когда сам формулировал и отвечал на вопрос: «Что такое русская философия?» на страницах философского отдела словаря Брокгауза и Ефрона.

Концепция истории русской философии Радлова имеет свои особенности. Радлов склонен считать русскую философию своеобразным продуктом западноевропейской культуры, во многом заимствованным. Согласно этому подходу, русская философия начинается с М.В. Ломоносова, который повторяет в некоторых чертах, что говорил его учитель – Христиан Вольф. Оценка славянофильства включает указание на философию Ф. Шеллинга, которая оказалась, по его мнению, наиболее подходящей для русского менталитета. Он не скупится на выразительные и содержательные размышления относительно фигуры В.С. Соловьева, «воплотившего в своих произведениях стремление к синтезу религии и науки, привести к единому устремлению все задачи человека». «Я считаю, – писал Радлов, – что Соловьев – лучший и единственный подлинный выразитель русской души – не философ в строгом смысле, но единственно русский философ» [34, с. 99]. Также следует отметить, что на Вольфилу, во многом, оказывали влияние традиции, сложившиеся в Петербургском (Петроградском) университете. Большая часть слушателей, участников и

организаторов были связаны с университетом: А.А. Блок, А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, Н.О. Лосский, С.И. Поварнин, С.А. Аскольдов, Л.П. Карсавин, А.А. Гизетти.

29 декабря 1920 г. Э.Л. Радлов был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук (РАН) по Отделению русского языка и словесности. Об этом ему лично сообщил С.Ф. Ольденбург, с которым Радлов находился в дружеских отношениях [23, л.1.]. С 1921 г. Э.Л. Радлов работал в Комиссии по истории знаний (далее – КИЗ), организованной при Академии наук, был заместителем председателя этой комиссии, которую возглавлял В.И. Вернадский. Документы по истории КИЗ показывают, Э.Л. Радлов был важнейшим участником этого историко-научного проекта, заменяя В.И. Вернадского, когда он не мог исполнять обязанности председателя. Работа Радлова в КИЗ нашла отражение в двух его публикациях. В 1921 г. в издательстве «Наука и школа» была опубликована подготовленная несколько ранее книга «Этика», о чем Радлов отчитывался на заседании КИЗ 12 декабря 1921 г. [29, с. 76]. Однако главным итогом работы Радлова в КИЗ стала публикация в 1927 г. в первом сборнике памяти К.М. Бэра его статьи «К.М. фон Бэр как философ», которую он в качестве доклада представил на заседании КИЗ 6 февраля 1927 г. [29, с. 129]. Эта статья была связана с деятельностью Бэрвской подкомиссии, образованной 28 ноября 1926 г. в составе КИЗ в связи с пятидесятилетием со дня смерти К.М. Бэра, столетием со дня его избрания в члены-корреспонденты АН и столетием со дня его избрания в академики (все три даты приходились на 1926–1928 г.). Главным событием стало в итоге чествование по случаю избрания К.М. Бэра академиком Санкт-Петербургской академии наук 27 августа 1927 г. Помимо работы в Бэрвской подкомиссии в КИЗ Радлов занимался исследованиями отношения Англии и России, подготовив к публикации небольшую работу «Россия в английской литературе XVIII в.», которая осталась неизданной [29, с. 211]. Таким образом, участие Радлова в КИЗ, помимо организационной деятельности, включало в себя исследования российско-английских отношений и наследия К.М. Бэра, которое стало в итоге главным вкладом Радлова в историю естественных наук.

Кроме указанных работ после революции Радлов публикует в серии «Введение в науку» книгу «Введение в философию» (1919), а также участвует в работе возобновленного Философского общества при университете, и в издании журнала «Мысль», для которого пишет статьи по истории русской философии. Важной вехой биографии Радлова стал последний издательский проект Философского общества – новое издание сочинений Платона в издательстве «Academia», под редакцией Радлова, с Л.П. Карсавина и С.А. Жебелева. Из пятнадцати запланированных томов вышло всего шесть. К двум из них Радлов написал предисловие: к ранним сократическим диалогам Платона и «Филебу». Кроме того, известно, что в этот период Радлов подготовил к печати «Метафизику» Аристотеля, которая, к сожалению, не была опубликована [16, с. 196].

Говоря о научных трудах Радлова, нельзя не обратить внимание на одну из его главных работ – «Очерк истории русской философии», впервые опубликованную в 1912 г. и переизданную с дополнениями в 1920 г. Рабо-

та над вторым изданием этого сочинением была тесно связана с ранними историко-научными проектами в России. Издание «Очерка истории русской философии» планировалось в качестве части проекта «Русская наука», которым руководил А.С. Лаппо-Данилевский. Проект имел целью представить всю историю науки в России. Для написания очерка по истории русской философии был выбран Э.Л. Радлов, который подготовил дополненное переиздание своего обзора истории русской философии 1912 г. Радлов закончил свою работу к 1918 г., однако из-за революционных событий второе издание «Очерка истории русской философии» растянулось до 1920 г. (с датировкой на титуле 1921 г.) уже независимо от проекта «Русская наука» [49, с. 68; 17, с. 18–19]. В 1925 г. эта работа Радлова была переведена на немецкий язык и издана в Германии, став первым обзорным произведением по истории русской философии на Западе [52]. На долгое время эта работа (наряду с «Очерком развития русской философии» Г.Г. Шпета) стала каноничной в области истории философии и сохранила свой статус в современном научном поле. В целом, уже современники отмечали значимый вклад Радлова в изучение истории русской философии. Так, С.А. Жебелев положительно характеризовал публикации Радлова по данной тематике, особенно выделив его «Очерк истории русской философии»: «Для изучения истории русской философии Э.Л. Радлов сделал, несомненно, больше, чем кто-либо другой. Не говоря уже о том, что единственный очерк истории русской философии, недавно переведенный на немецкий язык, принадлежит именно Э.Л. Радлову, особенно много потрудился он над изучением философии Владимира Соловьева» [24, л. 3]. Радлов также актуализирует вопрос периодизации русской философии и ее развития. Эрнест Леопольдович формулирует три основных локуса, или генезиса, в которых зарождалась и формулировалась русская философия. *Первый*, по его мнению, появляется «из недр и потребностей русской духовной жизни как реакция против постоянного перенесения плодов чужого мышления на русскую почву», используя западноевропейские идеи только лишь как орудие и средство доказательства, выяснения собственных мыслей и критики. К данному направлению он относил Г. Сковороду, славянофилов, В. Соловьева и Л.Н. Толстого. Согласно его подходу, в этом течении русской мысли находятся и национальные особенности мышления. *Второй* связан с включением философии в процесс преподавания в университетах и духовных академиях. Однако в духовных академиях философия находилась в подчиненном положении по отношению к богословским наукам. В университете преподавание философии было более свободным от влияния других предметов, но не высшей администрации. Несмотря на такое положение дел, неверно думать, что академическая философия была зависимой и малоценной, а университетская философия была более свободной и содержательной. Радлов указывал, что в преподавании философских дисциплин отмечались заимствования западноевропейских концепций и методов. *Третий* возможный локус зарождения философии тесно связан с политической и социальной жизнью, с публицистикой и периодикой. К этому направлению он относит А.Н. Радищева, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.Н. Страхова. По мнению Радлова, философия в этом смысле является отправной точкой и опорой критики. При

этом ее инструментарий и выводы находят подтверждение в русской действительности – «литературная критика всегда была философской критикой» [14, с. 107]. Для университетской философской науки пореформенного периода были характерны несколько общих тенденций. Хотя в историко-философских работах этого периода трудно указать крупные исследования, тем не менее, по сравнению с предшествующими периодами пореформенная эпоха отличается повышением методологического уровня и степени теоретических обобщений.

В работах Радлова 1920-х гг. в отличие от работ его коллег Г.Г. Шпета и Б.В. Яковенко превалирует описательность: теоретических обобщений, относящихся к историко-философскому процессу в целом, у Радлова немного. В противоположность другим историкам философии Радлов не рассматривал университетскую философию в России как отдельное направление, он применял комплексный метод анализа истоков формирования отечественной философской мысли, учитывая во многом духовно-академическую основу философии [1]. Вопрос о том, «кто главнее» в русской философии: университеты или духовные академии, Эрнест Леопольдович решил в духе Соломона, не противопоставляя их: «...университеты и четыре духовных академии стали центрами просвещения в России, и им, а также Академии наук Россия обязана развитием научного и философского знания» [35, с. 12]. Радлову удалось показать весь спектр русской философской мысли конца XIX – начала XX в. В его интерпретации русская философия представляет собой сложное и многосоставное явление с особой рецепцией европейской культуры [9, с. 35].

Говоря о философских взглядах Радлова, важно вновь подчеркнуть его близость к кантианству и в целом к немецкой классической философии. Однако кантианство Радлова имело свои особенности. К.М. Милорадович, характеризуя философскую атмосферу в Философском обществе при Санкт-Петербургском университете, отмечает, что до возобновления работы Общества в 1921 г. характер заседаний Общества «носил на себе печать классической немецкой философии. Тут царил Кант, да еще, пожалуй, Гегель и отчасти Фихте» [16, с. 194]. К.М. Милорадович объясняет это влиянием личности руководителя общества – А.И. Введенского, что справедливо, однако, и по отношению к его ближайшему коллеге и другу Э.Л. Радлову. Как подчеркивает К.М. Милорадович, тон в Обществе «задавали те, кто стоял во главе, и это был тон классического немецкого идеализма» [16, с. 194]. Иными словами, и Радлов, и А.И. Введенский, сохраняя верность классическому немецкому идеализму, оказались невосприимчивы к новым течениям в немецкой философии, прежде всего к неокантианству, представленному школами Г. Когена и В. Виндельбанда – Г. Риккерта, идеи которого тогда воспроизводили в России философы младшего поколения (например, С.И. Гессен и В.Э. Сеземан).

В 1920-е гг. Радлов часто обращался к биографическому жанру. В 1922 г. он написал работу о жизни и творчестве Ч. Диккенса. Его биография Д. Свифта открывает книгу «Путешествия Гулливера» (М., 1928; 1930; 1932). По всей видимости, эти книги стали результатом интереса Радлова к Англии, которой он занимался в этот период в КИЗ. Многие из

работ Радлова носят монографический характер и посвящены отдельным персоналиям и их деятельности. Эрнест Леопольдович планировал подготовить также «Биографию Спинозы». В его архивном фонде сохранились соответствующие материалы. Как отмечал сам Радлов, книга уже была полностью готова к публикации, однако, не смогла быть выпущенной в силу цензурных ограничений. Как человек, служащий в библиотеке и имеющий дело с книжными собраниями, Радлов был прекрасно осведомлен об изменениях в цензурной политике. Он отрицательно относился к закрытию частных издательств и усилению контроля за публицистикой. Особенно его тревожила и возмущала «чистка» библиотек, устроенная в 1923 г. Главполитпросветом. В списках книг, предназначенных к изъятию, значились: Платон, Кант, Декарт, Спенсер, Соловьев, Бердяев, Булгаков, Лосский. Для уже пожилого Радлова видеть, как его переводы и научные работы его коллег уничтожались было особенно горько. Более того, в этом году личные сбережения Радлова были конфискованы, а квитанции проданы. Личная библиотека ученого была продана за очень скромные деньги в Пермский университет [8, с. 113]. Библиотека насчитывала 4000 книг XVI – начала XX в. В ней были уникальные экземпляры, например, сочинения германского энциклопедиста Грегора Рейша «Жемчужина философии», труд богослова и гуманиста Агриппы Неттесгеймского и библиографическая редкость – работа английского философа Джозефа Глэнвилля «Тщета догматики». Большинство изданий из библиотеки Радлова имели штемпель, на котором прописью была вписана фамилия владельца [8, с. 24].

Одними из последних трудов Эрнеста Леопольдовича стала работа по истории русской эстетики, оставшаяся неопубликованной. До конца жизни он не оставлял своего основного научного направления – истории философии и в последние годы жизни трудился над сборником по истории русской философии XVIII в. Умер Э.Л. Радлов 28 декабря 1928 г. 7 апреля 1929 г. Комиссия по истории знаний провела заседание памяти Радлова, на котором выступили с докладами В.И. Вернадский, С.А. Жебелев, Н.И. Кареев и др. [25, л. 8]. Планировалось также издание сборника в память о Радлове, которое, к сожалению, не было реализовано. Характеризуя личность и творчество Радлова, В.И. Вернадский писал: «Научные работы его оставили глубокий след в истории мысли, и едва ли я ошибусь, если скажу, что в области истории философии это был самый крупный ученый в нашей стране» [17, с. 245].

На протяжении четырех десятилетий Радлов принимал самое деятельное участие в жизни научного и философского сообщества России. Его интеллектуальные способности и личные качества нашли применение и в преподавании философии, и в работе в Публичной библиотеке, и в издании философских журналов и книг. Эрнест Леопольдович умел поддерживать контакты с высшей администрацией, ему легко давалось общение с коллегами, он был хорошим организатором науки и способствовал популяризации философии за пределами формальных институций. Он сыграл заметную роль в профессионализации философии в России, в распространении в обществе философских знаний и в развитии общей философской

культуры. Исследование биографии и творчества Радлова позволяет увидеть почти всю философскую жизнь России периода ее расцвета.

Литература

Исследования

1. *Баранец Н.Г.* Метаморфозы этоса российского философского сообщества в XIX – начале XX века. В 2 ч. Ч.1. Ульяновск: УлГУ, 2007.
2. *Белоус В.Г.* ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. М.: Модест Колеров, Три квадрата, 2005.
3. *Бычкова И.А., Михеева Г.В.* Эрнест Леопольдович Радлов // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. СПб.: РНБ, 2006. С. 212–241.
4. *Введенский А.И.* Научная деятельность М.И. Владиславлева // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Июнь. С. 181–211.
5. *Груздева Е.Н.* Санкт-Петербургский Женский педагогический институт. 1903–1918: Основание, структура, личный состав, деятельность. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
6. *Жуковская Т.Н.* «Дело профессоров» 1821 г. в Санкт-Петербургском университете: новые интерпретации // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки. Проблемы отечественной истории нового времени». 2019. Т. 161. Кн. 2–3. С. 96–111.
7. *Копанев Н.А.* Библиотека Вольтера в Санкт-Петербурге. URL: https://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D2/Копанев_VR.htm.
8. *Костицина А.В.* «Жемчужина знаний». Книги из коллекции Э.Л. Радлова в фондах ФБ ПГПУ // Университет и библиотека. Вместе 90 лет: Материалы региональной научно-методической конференции. Пермь: Пермский гос. гуманитарно-педагогический ун-т, 2012. С. 23–33.
9. *Куприянов В.А.* Проблема оригинальности русской философии в ранней историографии русской философии // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2022. Вып. 2(12). С. 27–46.
10. *Малинов А.В.* «При том замкнутом образе жизни и абстрактных наклонностях моего ума». Письма А.И. Введенского Э.Л. Радлову // Вече: Альманах русской философии. 2006. Вып. 17. С. 211–223.
11. *Малинов А.В.* Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020.
12. *Малинов А.В.* Историко-философские этюды. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2007.
13. *Маковельский А.О.* Досократики. Ч. 2. Казань: Издание книжного магазина М.А. Голубева, 1915.
14. *Радлов Э.Л.* Очерки истории русской философии // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск: УГУ, 1991. С. 96–216.
15. *Сальман М.Г.* О Сергее Радлове и Осипе Мандельштаме // Slavica Revalensia. 2018. Vol. 5. С. 203–225.
16. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Санкт-Петербургское философское общество (1897–1923). СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.

17. Смагина Г.В. «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания Комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22.
18. Тихонова Э.В. Михаил Иванович Владиславлев – основоположник системы философского и психологического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 194–205.
19. Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда (по архивам Чехии и России). М.: Полиграфиздат, 2005.

Источники

20. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 5. Д. 108.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 7. Д. 678 (1840).
22. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 27. Д. 171.
23. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ) Ф. 626. Ед. хр. 4.
24. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФА РАН) Р.-5. Оп. 1-Р. № 34.
25. Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (СПбФА РАН) Р.-5. Оп. 1-Р.
26. Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ) Ф. 252. Оп. 1. Д. 17.
27. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
28. Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1900 г. СПб., 1901. № 56.
29. Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.. Из истории орг. ист. о-науч. исслед. в Акад. наук: Сб. док. / Сост.: В.М. Орел, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003.
30. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. В 4 т. / Под ред. [и с предисл.] Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908–1923.
31. Радлов Э.Л. Очерки из истории скептицизма // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Ч. ССXLIX. Отд. 2. С. 240–290.
32. Радлов Э.Л. Очерки из истории скептицизма // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 18. С. 69–90.
33. Радлов Э.Л. Об этических отрывках Демокрита // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 12. С. 1–19.
34. Радлов Э.Л. Голоса из невидимых стран // Дела и дни. Кн. 1. Пб., 1920. С. 189–208.
35. Радлов Э.Л. Очерк истории русской философии. 2-е изд., доп. Пг: Наука и школа, 1920.
36. Радлов Э.Л. Отношение Вольтера к Руссо // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 1–22.
37. Радлов Э.Л. Отношение Вольтера к Руссо // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 37–64.
38. Радлов Э.Л. Ученая деятельность профессора М.И. Каринского. СПб: Тип. В.С. Балашева и К°, 1895.
39. Радлов Э.Л. Несколько замечаний о философии Н.Н. Страхова // Журнал министерства народного просвещения. 1896. Ч. 305. Июнь. Отд. 2. С. 339–361.

40. Радлов Э.Л. Натуралистическая теория познания (По поводу статей проф. И.М. Сеченова) // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 682–693.
41. Радлов Э.Л. Вл.С. Соловьев. Биографический очерк // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. IX. СПб, 1907. С. I–LV.
42. Радлов Э.Л. В.С. Соловьев. Биографический очерк // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева / Под ред. С.М. Соловьева, Э.Л. Радлова. Изд. 2-е. Т. X. СПб.: Книгоиздательское тов-ство «Просвещение», 1914. С. VII–LIV.
43. Радлов Э.Л. Эстетика Вл. Соловьева // Вестник Европы. 1907. Т. 1. Кн. 1. Январь. С. 84–117.
44. Радлов Э.Л. Гносеология Соловьева // Логос. 1912–1913. Кн. 1/2. С. 307–324.
45. Радлов Э.Л. Исторические и политические взгляды Вл. Соловьева // ЖМНП. 1912. Ч. XL. Август. Отд. 3. С. 196–218.
46. Радлов Э.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1913.
47. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В 9 т. СПб.: Обществ. польза, 1901–1907.
48. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: с 3 портретами и автографом / Под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Просвещение, 1911–1914.
49. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Ред.-сост.: В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батурин. СПб.; М., 2016.
50. Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет. Нива. Париж: Синтаксис, 1991.
51. Этика Аристотеля / Пер. с греч. Э. Радлова. СПб., 1908.
52. Radloff von E. Russische Philosophie / Ins Deutsche übertr. von Margarete Woltner. Breslau: Hirt, 1925.

Zinovyeva, Anna P. & Kypriyanov, Viktor A. *Scientific and philosophic heritage of E.L. Radlov in the context of the development of Russian philosophy in the late 19th – early 20th centuries*

References

1. Baranets, N.G. (2007), *Metamorfozy etosa rossiyskogo filosofskogo soobshchestva v XIX – nachale XX veka* [Metamorphoses of the Ethos of the Russian Philosophical Community in the 19th – early 20th century], in 2 parts, Part 1, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (in Russian).
2. Belous, V.G. (2005), *VOLFILA [Petrogradskaya Volnaya Filosofskaya Assotsiatsiya]: 1919–1924* [VOLFFILA [Petrograd Free Philosophical Association]: 1919–1924], Modest Kolerov, Tri kvadrata, Moscow (in Russian).
3. Bychkova, I.A., & Mikheeva, G.V. (2006), Ernest Leopoldovich Radlov, in: *Istoriya Biblioteki v biografiyakh yeye direktorov. 1795–2005* [The History of the Library in the Biographies of Its Directors, 1795–2005], Russian National Library, St. Petersburg, pp. 212–241 (in Russian).
4. Vvedensky, A.I. (1890), Scientific activity of M.I. Vladislavlev, *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, June, pp. 181–211 (in Russian).
5. Gruzdeva, E.N. (2005), *St. Petersburg Women's Pedagogical Institute. 1903–1918: Founding, structure, personnel, activity*, Abstract of Cand.Sc. Thesis in History, St. Petersburg (in Russian).

6. Zhukovskaya, T.N. (2019), “The case of professors” of 1821 at St. Petersburg University: new interpretations, *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. “Gumanitarnyye nauki. Problemy otechestvennoy istorii novogo vremeni”*, vol. 161, Books 2–3, pp. 96–111 (in Russian).
7. Kopanev, N.A. (2023), *Voltaire’s Library in St. Petersburg*, URL: https://gallica.bnf.fr/dossiers/html/dossiers/Voltaire/D2/Kopanev_VR.htm (in Russian).
8. Kostitsina, A.V. (2012), “Pearl of Knowledge”. Books from E.L. Radlov’s collection in the funds of the library of Perm State Humanitarian Pedagogical University, in: *Universitet i biblioteka. Vmeste 90 let: Materialy regionalnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [University and Library. Together 90 years: Materials of the regional scientific and methodological conference], Perm, pp. 23–33 (in Russian).
9. Kupriyanov, V.A. (2022), The problem of originality of Russian philosophy in the early historiography of Russian philosophy, *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii*, no. 2(12), pp. 27–46 (in Russian).
10. Malinov, A.V. (2006), “At that closed way of life and abstract inclinations of my mind”. Letters of A.I. Vvedensky to E.L. Radlov, *Veche: Almanakh russkoy filosofii*, no. 17, pp. 211–223 (in Russian).
11. Malinov, A.V. (2020) *Issledovaniya i stat'i po russkoj filosofii* [Studies and Articles on Russian Philosophy], RChHA, St. Petersburg (in Russian).
12. Malinov, A.V. (2007) *Istoriko-filosofskie etudy* [Historico-Philosophical Etudes], St. Petersburg Philosophical Society, St. Petersburg (in Russian).
13. Makovelsky, A.O. (1915), *Dosokratiki* [Pre-Socrates Philosophers], part 2, Izдание knizhnogo magazina M.A. Golubeva (in Russian).
14. Radlov, E.L. (1991), Essays on the history of Russian philosophy, in: Vvedensky, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L., & Shpet, G.G., *Ocherki istorii russkoy filosofii* [Essays on the History of Russian Philosophy], Ural State University, Sverdlovsk, pp. 96–216 (in Russian).
15. Salman, M.G. (2018), On Sergey Radlov and Osip Mandelshtam, *Slavica Revalensia*, vol. 5, pp. 203–225 (in Russian).
16. Sinelnikova, E.F., & Sobolev, V.S. (2020), *Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo (1897–1923)* [St. Petersburg Philosophical Society (1897–1923)], Dmitry Bulanin, St. Petersburg (in Russian).
17. Smagina, G.V. (2016), “To present Russian science in a worthy way”. To the 100th anniversary of the creation of the Commission for the publication of the collection “Russian Science”, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, vol. 7, no. 1, pp. 9–22 (in Russian).
18. Tikhonova, E.V. (2011), Mikhail Ivanovich Vladislavlev – the founder of the system of philosophical and psychological education at St. Petersburg University, *Novoye v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, no. 2, pp. 194–205 (in Russian).
19. Firsov, E.F. (2005), *T.G. Masarik i rossiyskaya intellektualnaya sreda (po arkhivam Chekhii i Rossii)* [T.G. Masaryk and Russian Intellectual Environment (on the archives of the Czech Republic and Russia)], Polygraphizdat, Moscow (in Russian).